

doi: 10.20310/1819-8813-2015-10-10-76-81

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТРУКТУРНОЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

КУЛИК ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: merkatmb@mail.ru

МОСКОВЦЕВ ВАЛЕРИЙ ВИКТОРОВИЧ

ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный технический университет»,
г. Липецк, Российская Федерация, e-mail: moskovcevv@mail.ru

МЕРКУЛОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»,
г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: merkatmb@mail.ru

В настоящей статье изложены результаты анализа взаимосвязей в системе экономической безопасности России, которые раскрывают взаимообусловленность структурных, институциональных и социальных процессов и явлений в российской экономике с точки зрения влияния выявленных деформаций на национальную экономическую безопасность. Обосновано, что экономика через структурные и институциональные диспропорции не только влияют на социальную структуру российского общества, которая проявляется, прежде всего, в растущей имущественной дифференциации, но и испытывает обратное влияние, подрывающее основы экономической безопасности государства. Основные проявления такой усиливающей обратной связи состоят в следующем: низкий уровень доходов является врагом технического прогресса, так как избыточная занятость при низком уровне оплаты труда стимулирует трудоемкие технологии; низкая зарплата является одной из основных предпосылок дегенерации целых социальных слоев и их воспроизводства в расширенных масштабах; низкий уровень оплаты труда сжимает покупательную способность населения, а, следовательно, и потребительский компонент совокупного внутреннего спроса; низкая оплата труда в единстве с оценкой нецивилизованной и несправедливой приватизации и преступности как первоисточника собственности, демотивирует труд, порождает массовый трудовой оппортунизм, который также снижает производительность труда; обостряются социальные противоречия, которые приобретают признаки антагонизма. Авторы приходят к выводу, что побороть бедность можно лишь в том случае, если произойдут качественные изменения в распределительных отношениях, которые искоренят рентоориентированное поведение как системное явление и субъектную основу структурной и институциональной деформации системы национальной экономической безопасности.

Ключевые слова: имущественная дифференциация, ловушка бедности, национальная экономическая безопасность, рентоориентированное поведение, структурные диспропорции

Массовая бедность стала восприниматься как норма. Директор Института проблем глобализации и социальных движений Б. Ю. Кагарлицкий отмечает: «В России существует колоссальное, вопиющее неравенство во многих сегментах материальной жизни, особенно это касается домохозяйств... И это имеет очень значимый моральный и психологический эффект: в современном российском обществе неравенство является огромным деморализующим фактором. Да, в самом деле, есть классическая либеральная тема: неравенство заставляет лучше трудиться. Но это верно лишь, когда различие не очень

велико, когда оно – в пределах досягаемости. Когда ты понимаешь, что можешь достичь его, *within reach* (англ.) – как говорят американцы» [1].

Примечательно, что, несмотря на социальную риторику российского политического истеблишмента, статистика упрямо свидетельствует о росте социального неравенства в России (табл. 1).

Несколько лет назад было популярно отмечать социальную направленность бюджетных расходов, хотя имела место типичная подмена понятий. Бюджеты вынужденно принимали социальную направленность, особенно на уровне субъектов РФ, так как

бюджетные средства с трудом покрывали минимальные текущие потребности общества, и как институты развития были несостоятельны. При этом по налогам Российская Федерация обошла большинство развитых стран: эффективная налоговая ставка на бизнес в России составляет более 54,1 %, тогда как в Европейском Союзе она составляет 42,6 %, а в мировой экономике в целом – 44,7 % [2].

Таблица 1

Соотношение доходов 10 % самой бедной и самой богатой части населения России и других стран мира в 2013 г.

Страны мира	Соотношение доходов самых богатых и самых бедных
Швеция	6:1
Германия	7:1
Италия	9:1
Испания	10:1
Чехия	11:1
Румыния	13:1
Чили	14:1
Иран	16:1
Литва	18:1
Казахстан	22:1
Беларусь	25:1
Украина	32:1
Гондурас	38:1
Нигерия	42:1
Россия	45:1
Зимбабве	80:1

Экспертами отмечается низкая (10-13 % ВВП против 7 % в России), недостаточно гибкая и, наконец, неэффективная государственная поддержка национальной экономики, которая в любой стране, неизбежно, носит структурный характер.

Р. Коуз, один из основоположников неинституционализма, отмечал, что «наиболее эффективными оказываются институты, обходящиеся обществу дешевле» [3]. Конечно, можно сослаться на то, что коррупция всегда была и остается родовым признаком российского общества. Однако, если смотреть на проблему слабости государственных институтов с позиций теории экономической безопасности, можно предположить, что в пороговом состоянии самая коррумпированная система способна генерировать импульсы к самосохранению. Безусловно, ситуация, когда в России ежегодно «приватизируется» более 30 % федерального бюджета и выводится капиталов на сумму до 150 млрд долл., не может повторяться без ущерба не только экономической безопасности, но и государственности как таковой.

Российская экономика так и не преодолела болезнь структурной диспропорциональности. Одним из следствий «шоковой терапии» стала структурная деформация экономики, в результате кото-

рой на смену диспропорциям плановой экономики пришли новые структурные тенденции: отраслевые диспропорции, такие как эффект «голландской болезни» (увеличение добычи и экспорта сырья при уменьшении объемов промышленного производства, как следствие открытости российской экономики); территориальные диспропорции (дифференциация и поляризация российских регионов по своему социально-экономическому развитию), воспроизводственные (преобладание псевдоинноваций над базисными инновациями) и другие негативные структурные тенденции, в национальном хозяйстве, влияющие на экономическую безопасность государства.

Структурная политика российских властей на современном этапе определяется клубком проблем. Это и противоречие между целями структурной политики достижения экономического роста и обеспечения экономической безопасности государства, что наглядно проявляется в санкционных войнах, и ограниченность структурной политики сглаживанием исключительно отраслевых и территориальных диспропорций, и преобладание селективных прямых мер поддержки, и, как следствие, их неэффективность в условиях коррумпированности управленческого аппарата, что наглядно иллюстрирует, например, ситуация с государственной поддержкой в аграрном секторе российской экономики [4].

Дороговизна государственных институтов координации ставит под сомнение саму целесообразность структурной политики, ориентируя государственное управление преимущественно на косвенные макроэкономические регуляторы.

Однако, ключевая угроза безопасности России кроется не в слабости государственных институтов и не в отсутствии связанной структурной политики государства. Решающее значение играет отношение общества к институтам власти, которое выражается не обязательно в активной гражданской позиции, но почти всегда в демотивации труда и оппортунизме, что, учитывая масштабы только государственного сектора, не может игнорироваться ни теорией и практикой. Безусловно, определяющее значение в индивидуальной мотивации играет социально-экономическое положение личности, его общественный статус, возможность его изменить и соответствие его личным и общественным представлениям о справедливости.

По данным Росстата РФ средний прожиточный минимум в 2011 г. составил 6489 руб.

Сравнение двух показателей – среднего прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда – указывает на наличие разрыва между этими

показателями для части работающего населения. Анализ распределения численности работников по размерам начисленной заработной платы показывает, что, например, в 2011 г. заработная плата была ниже прожиточного минимума у 16 % работников в

России (рис. 1). Эта цифра сама по себе значительна, но, следует понимать, что она не учитывает иждивенцев, поэтому можно предположить, что в масштабах всего населения эта доля не меньше, чем доля в работающем населении.

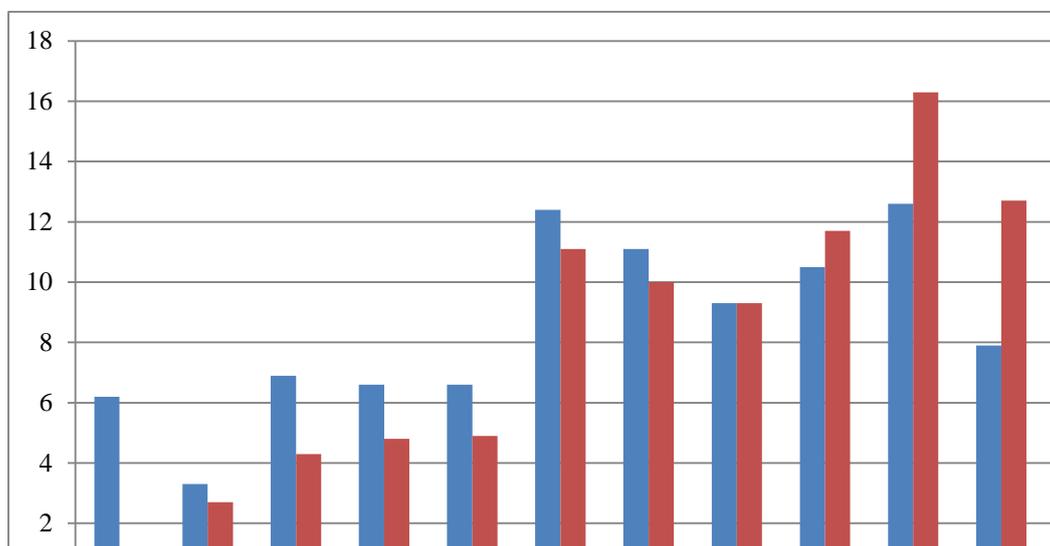

Рис. 1. Распределение численности работников по размерам начисленной заработной платы, в %, 2011 и 2013 гг.

Патерналистские ожидания российского общества отчасти повторяют модель «социального иждивенчества», сложившуюся в ряде развитых стран, когда социальная политика государства в условиях существенной дифференциации общества, провоцирует масштабную бедность. Причина масштабной бедности обусловлена низкой ценой труда. В условиях низкой оплаты труда исчезают стимулы его интенсификации, поскольку предельный доход не соответствует предельным тяготам труда, чтобы отказываться от социальных пособий.

Самые низкооплачиваемые сектора российской экономики сгруппированы в две основные группы. Первая группа включает отрасли экономики с относительно низким уровнем конкурентоспособности продукции. К ним относится большинство отраслей АПК. Вторая группа охватывает отрасли социальной сферы: образование; здравоохранение и предоставление социальных услуг; культуру и искусство [5].

Низкий уровень заработной платы оказывает существенное влияние на консервацию состояния бедности у значительной части наемных работников. В отраслях бюджетной сферы, сельского хозяйства заработная плата работников с учетом их иждивенческой нагрузки не обеспечивает и простого воспроизводства трудоспособного населе-

ния. Более 40 % малоимущих лиц – это жители сельской местности. При этом естественная убыль сельского населения почти в 1,5 раза выше, чем городского населения. Следует учитывать, что ситуация с бедностью в сельской местности описана с учетом амортизаторов, которые вынуждены применять отнюдь не органы власти, а сами предприниматели. В. А. Богдановский по результатам социологических опросов установил, что в 70 % случаев работников на селе не сокращают по причине неизбежного ухудшения материального положения семей уволенных, в 49 % – из-за сезонности производства, в 35 % – по причине возможного усиления воровства, пьянства и ухудшения криминогенной обстановки на селе [6].

Существует целый комплекс следствий обратного системного воздействия на экономическую безопасность со стороны деформированной социальной сферы.

Прежде всего, низкий уровень доходов является врагом технического прогресса, так как избыточная занятость при низком уровне оплаты труда стимулирует трудоемкие технологии.

Во-вторых, низкая зарплата является одной из основных предпосылок дегенерации целых социальных слоев и их воспроизводства в расширенных масштабах, что также отбрасывает российскую экономику в эпоху промышленного перево-

рота, когда минимальной стоимости рабочей силы соответствовал малоквалифицированный труд.

В-третьих, низкий уровень оплаты труда сжимает покупательную способность населения, а, следовательно, и потребительский компонент совокупного внутреннего спроса.

В-четвертых, как уже отмечалось, низкая оплата труда в единстве с оценкой нецивилизованной и несправедливой приватизации и преступности как первоисточнике собственности, демотивирует труд, порождает массовый трудовой оппортунизм, который также снижает производительность труда.

В-пятых, обостряется социальные противоречия, которые приобретают признаки антагонизма, что наглядно показывает динамика коэффициента Джини (табл. 2). Характер распределительных отношений в современной России сродни ситуации XIX в., которая, будучи отраженной в трудах Д. Рикардо, современниками называлась не иначе, как «теория вражды между классами».

Таблица 2

Динамика коэффициента Джини в России

Годы	Коэффициент Джини
1992	0,289
1995	0,397
2000	0,395
2001	0,397
2002	0,397
2003	0,403
2004	0,409
2005	0,409
2006	0,415
2007	0,422
2008	0,424
2009	0,421
2010	0,421
2011	0,417
2012	0,4
2013	0,418

Распределительные отношения в современной России приобрели такой характер, когда основную выгоду от экономического роста получают наиболее богатые. И, напротив, в условиях экономического спада основные тяготы (безработица, падение оплаты труда, инфляция в секторе товаров первой и второй необходимости) ложатся преимущественно на бедные слои населения.

Основным принципом создания эффективной системы борьбы с бедностью является избегание «ловушки бедности» для населения, когда бедность будет генерировать бедность. Ключевым направлением, приоритетным для современной российской действительности является создание

для активной части населения таких условий, при которых можно зарабатывать достаточно для того, чтобы обеспечить себя и свою семью. В рамках борьбы с бедностью предлагается, например:

- повышение заработной платы работников бюджетного сектора за счет увеличения расходов на оплату труда;

- внедрение механизмов плавной индексации заработной платы, при которой одномоментное повышение заработной платы не становится непосильной нагрузкой на бюджет;

- создание условий для экономического роста путем диверсификации экономики, ускоренного развития обрабатывающей промышленности и на этой основе повышения доходов населения;

- принятие мер по развитию аграрного сектора путем создания условий для повышения продуктивности этого сектора;

- укрепление социального капитала (развитие национальных проектов в области здравоохранения, образования, жилищного строительства и сельского хозяйства) [5; 7; 8].

Как может показаться из общего фона публицистики и политической риторики проблема бедности может быть решена за счет перераспределения.

В реальности проблема бедности представляется одним из наиболее острых проявлений более общей системной проблемы российского общества. Левополитическая риторика, к которой прибегает сегодня не только российская оппозиция, но и действующая власть, ориентирует на решение проблемы бедности посредством перераспределения части национального дохода, скорее помогая «бедности», но не искореняя ее. Сознательно или нет, но культивируется слой рентоориентированного населения с иждивенческой психологией. При этом практически мало предпринимается действий, направленных именно на искоренение бедности.

Один из общих законов распределения, суть которого заключается в неравенстве долей продукта, распределяемого между участниками производства, обусловлен положением субъектов в системе функционального разделения труда. Оно создает условие для существования двойного неравенства: 1) неравенства общественной значимости функций, которые субъекты выполняют в системе общественного воспроизводства, и 2) неравенства возможностей для использования общественных функций в личных интересах, обусловленного неравенством положений в системе функционального разделения труда [9].

На определенном этапе государственные финансы перестали быть финансами главы государства, произошла их деперсонификация, и подобно финансам частного сектора, государственные финансы приобрели публичный характер. Так же, как фондовый рынок позволяет собственникам влиять куплей/продажей акций на поведение менеджеров, процедура выборности в политической сфере обеспечивает определенный контроль общества над государственной властью. Так это видится в теории. На практике в российском обществе грань между государственными и частными финансами размывается, а формирование институтов контроля над чиновниками сознательно блокируется. Тем самым «демократические» институты выборности подстраиваются под интересы кланово-корпоративных структур.

Статусная рента становится желанной целью для самых широких слоев населения, а не только собственно государственных и муниципальных чиновников. Симптоматично в этой связи растущее общественное мнение тех, кто подражает богеме, формирует своей растущей массой «поколение пепси», которое стремится жить подобно власти имущим. И тем острее диссонанс общественного сознания, вызываемого двойственным характером современного политического курса в России. Если во внешней политике государства справедливость и законность как политические принципы в последнее время проявляет себя достаточно рельефно, то внутренняя политика государства мирится с растущим социальным и психологическим дисбалансом.

Сегодня те экономические акторы, которые не принимают ценностные установки рендоориентированного общества, либо вынужденно уходят в «тень», либо эмигрируют из страны. За восемь месяцев 2014 г. Россию покинуло 203,6 тыс. чел., тогда как за весь 2013 г. – 186,4 тыс. «Средний класс» в России, если отбросить его паразитическую, также рендоориентированную часть, представленную бюрократическими элементами, существует не благодаря, а вопреки условиям.

С. Кузнецов отмечает в этой связи, что «они [средний класс] считают себя патриотами и хотели бы остаться и продолжать свое дело, но в России не видят для этого возможностей. В основном страдают бизнес, культура, наука и медицина. Для некоторых людей [отъезд] – это история поражения, не личного, но поражения своей прослойки» [10].

По данным ВЦИОМ, пятая часть россиян (21 %) хотели бы выехать за рубеж с целью постоянного проживания, 20 % хотели бы там работать. Доля потенциальных эмигрантов за последние

20 лет увеличилась в 5 раз. В 1991 г. о своем желании уехать из страны говорили 5 % респондентов, работать за границей – 13 % [11].

Таким образом, решение проблемы российской бедности лежит не на поверхности системы перераспределения, и предопределяется не масштабами трансфертов или совокупной налоговой ставкой. Побороть бедность станет возможным лишь в том случае, если произойдут качественные изменения в распределительных отношениях, которые искоренят рендоориентированное поведение как системное явление и субъектную основу структурной и институциональной деформации системы национальной экономической безопасности.

Литература

1. Чеховский Н. Богатые и очень бедные // Свободная пресса. 15 окт. 2012. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/59649/>
2. URL: <http://pandoraopen.ru/2015-11-04/nalogi-v-rossii-sposob-unichtozheniya-ekonomiki/>
3. Капелюшников Р. Рональд Коуз, или сотворение рынков // США – экономика, политика, идеология. 1993. № 1. С. 16.
4. Топольский Р. А., Кулик Ю. П. Проблемы воздействия структурной политики государства на национальную экономическую безопасность через пропорции народного хозяйства // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2015. Т. 9. № 7.
5. Перевозчикова Н. Н. Качество роста экономики как условие преодоления бедности работающего населения России // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 4.
6. Богдановский В. Труд и занятость в сельском хозяйстве // Вопросы экономики. 2005. № 6.
7. Магомаев М. М., Магомедова Э. Р. Заработная плата и бедность работающего населения в современной России // Вестник Дагестанского государственного университета. 2011. Вып. 5.
8. Гатауллин Р. Ф., Ишмуратова В. Г., Сагатгарев Р. М. Основные принципы и направления создания эффективной системы борьбы с бедностью // Вестник ВЭГУ. 2009. № 4 (42).
9. Лоскутов В. И. Экономические и правовые отношения собственности. Ростов-на-Дону, 2002.
10. URL: <http://www.imrussia.org/ru>
11. URL: <http://www.sostav.ru/news/2011/06/10/-cod1/>

References

1. Chekhovskij N. Bogatye i ochen' bednye [Rich and very poor] // Svobodnaya pressa. 15 okt. 2012. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/59649/>
2. URL: <http://pandoraopen.ru/2015-11-04/nalogi-v-rossii-sposob-unichtozheniya-ekonomiki/>
3. Kapelyushnikov R. Ronald' Kouz, ili sotvoreniye rynkov [Ronald Coase, or creation of markets] // SShA – ekonomika, politika, ideologiya. 1993. № 1. S. 16.

4. Topol'skij R. A., Kulik Yu. P. Problemy vozdejstviya strukturnoj politiki gosudarstva na natsional'nyu ekonomicheskuyu bezopasnost' cherez proporsii narodnogo khozyajstva [Problems of impact of structural policy of the state on national economic security through proportions of a national economy] // Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy. Tambov, 2015. T. 9. № 7.

5. Perevozchikova N. N. Kachestvo rosta ekonomiki kak usloviye preodoleniya bednosti rabotayushchego naseleniya Rossii [Quality of growth of economy as a condition of overcoming of poverty of the working population of Russia] // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2006. T. 309. № 4.

6. Bogdanovskij V. Trud i zanyatost' v sel'skom khozyajstve [Labor and employment in agriculture] // Voprosy ekonomiki. 2005. № 6.

7. Magomaev M. M., Magomedova E. R. Zarabotnaya plata i bednost' rabotayushchego naseleniya v sovremennoj Rossii [Salary and poverty of the working population in modern Russia]. Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. Vyp. 5 .

8. Gataullin R. F., Ishmuratova V. G., Sagatgareev R. M. Osnovnye printsipy i napravleniya sozdaniya effektivnoj sistemy bor'by s bednost'yu [Basic principles and directions of creation of effective system of fight against poverty] // Vestnik VEGU. 2009. № 4 (42).

9. Loskutov V. I. Ekonomicheskiye i pravovyye otnosheniya sobstvennosti [Economic and legal relations of property]. Rostov-na-Donu, 2002.

10. URL: <http://www.imrussia.org/ru>

11. URL: <http://www.sostav.ru/news/2011/06/10/cod1/>

* * *

SOCIAL CONSEQUENCES OF STRUCTURAL AND INSTITUTIONAL DEFORMATION OF ECONOMIC SECURITY SYSTEM OF RUSSIA

KULIK YURY PAVLOVICH

Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, the Russian Federation, e-mail: merkatmb@mail.ru

MOSKOVTSSEV VALERY VIKTOROVICH

Lipetsk State Technical University,
Lipetsk, the Russian Federation, e-mail: moskovcevvv@mail.ru

MERKULOVA ELENA YUREVNA

Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, the Russian Federation, e-mail: merkatmb@mail.ru

In the present article authors stated results of the analysis of interrelations in system of economic security of Russia which open interconditionality of structural, institutional and social processes and the phenomena in the Russian economy from the point of view of influence of the revealed deformations on national economic security, proved that economy through structural and institutional disproportions doesn't only influence social structure of the Russian society shown, first of all, in the growing property differentiation, but also comes under the return influence undermining bases of economic security of the state. The main manifestations of such strengthening feedback are: low level of the income is the enemy of technical progress as excess employment at the low level of compensation stimulates labor-consuming technologies; the low wage is one of the main prerequisites of a degeneration of the whole social groups and their reproduction in expanded scales; low level of compensation squeezes purchasing power of the population, and, therefore, and a consumer component of cumulative domestic demand; low compensation in unity with an assessment of uncivilized and unfair privatization and crime as primary source of property, demotivates work, generates mass labor opportunism which also reduces labor productivity; social contradictions which get antagonism signs become aggravated. Authors come to a conclusion that it is possible to overcome poverty only in case if there are high-quality changes in the distributive relations which will eradicate rent-seeking behavior as the system phenomenon and a subject basis of structural and institutional deformation of system of national economic security.

Key words: property differentiation, poverty trap, national economic security, rent-seeking behavior, structural disproportions